

На правах рукописи

А.И. Ман

Шаповалова Татьяна Александровна

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК ОСНОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ

24.00.01 – теория и история культуры

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

30 МАЯ 2013

Томск – 2013

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», на кафедре теории и истории культуры.

Научные руководители: доктор философских наук, профессор

Видгоф Владимир Михайлович

кандидат философских наук, доцент
Буденкова Валерия Евгеньевна

Официальные оппоненты:

Колодий Наталия Андреевна, доктор философских наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», кафедра культурологии и социальной коммуникации, заведующая кафедрой

Петренко Валерия Владимировна, кандидат философских наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра онтологии, теории познания и социальной философии, доцент

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 21 июня 2013 г. в 12.30 часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.17, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Главный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан 17 мая 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Буденкова Валерия Евгеньевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Понятие пространства в современной культуре утрачивает привычные коннотации, во-первых, в связи со спецификацией пространства как предмета познания в условиях нарастающей дифференциации знания, во-вторых, в связи со стремительными изменениями в окружающей человека природно-социальной среде. Таким образом, исследователь проблемы пространства сталкивается с множеством «пространств», а, в связи с этим, и с необходимостью различения собственно пространственных дискурсов, с одной стороны, и, с другой стороны, не менее значимых случаев употребления пространственных образов и пространственной лексики (в частности, пространственной метафорике) в контекстах, с пространством напрямую как будто не связанных.

Социокультурный аспект проблемы пространства связан с потребностью в эффективных механизмах адаптации человека к динамично изменяющейся среде. Универсальным механизмом такого рода являлась до середины XIX в. метафизическая картина мира, утверждавшая концептуальное единство пространства. Проект деконструкции метафизики, свидетельствующий о ее недостаточности и/или неэффективности в современной культурной ситуации, в первую очередь коснулся ее «несущей структуры» – пространства. Поиск альтернативы метафизическому единству пространства актуализировал исторические образы пространства и, в целом, исследование «истории вопроса» – механизмов концептуализации опыта экзистенциального и теоретического освоения и осмысления природно-социального пространства. В свете современных гуманистических (правовых, социальных, политических и др.) идеалов, речь не идет об утверждении какого-либо образа пространства в качестве доминирующего, как это было прежде, что лишь обостряет проблему, поскольку иных оснований концептуального единства пространства, чем метафизические, человечество еще не выработало.

Историко-культурный аспект проблемы пространства заключается в функционировании и динамике образов пространства, таких как жестуальное «здесь/там», «место», «мир», «природа», «пространство», «ландшафт», «окружающая среда», «ноосфера» и др., в содержательных трансформациях философских, научных и других интерпретаций понятия «пространство». Анализ образов и концепций пространства неизбежно приводит к выводу о том, что в разные эпохи, в разных концепциях под пространством подразумевается не одно и то же, и реальность, схватываемая понятием пространства, а также смежными понятиями, не одна и та же.

Таким образом, суть исследуемой **проблемы** видится в недостаточной отрефлексированности фундирующей роли метафоризации пространства, во-первых, в процессе формирования и развития культуры, и, во-вторых, как основания для ее философской концептуализации.

Задача философии в разрешении поставленной проблемы, в первую очередь, состоит в поиске начала, общего для различных (понятийных и непонятийных) интерпретаций пространства, которое не должно сводиться к поиску общего для

них «коррелята». На роль такого «коррелята», например, мог бы претендовать ассоциируемый с пространством *φύσις*, но, как легко убедиться, многие «пространства», в особенности в современной культуре, не физичны. Тем не менее, поскольку пространства идеального, трансцендентного, воображаемого, бессознательного, виртуального и др. состоят в некотором отношении к *φύσις*, необходимо существует такой модус *φύσις*, который является общим коррелятом мыслимых пространств. Разрешение этой самостоятельной и малоисследованной проблемы, на наш взгляд, должно продвинуть нас в поиске искомого основания.

Актуальность данного исследования обусловлена его теоретической, методологической и практической значимостью. Предложенная в нем постановка проблемы пространства позволяет исследовать как то, чем является пространство исторически (содержание, функционирование и динамика пространственных образов, понятий/категорий, концепций пространства в составе системоконтекста пространственных представлений), так и то, чем оно (в его основаниях) является для мышления и культуры. Культурфилософский подход к проблеме пространства позволяет выявить базовые установки познания в отношении действительности и формирующиеся на их основе пространственные парадигмы.

Полученные результаты могут быть использованы в культурном прогнозировании и моделировании, в сравнительно-типологических исследованиях культуры, в особенности, визуальной культуры. Исследование актуально в современной культурной ситуации, характеризуемой предельной плотностью информационного пространства, несоразмерностью биологических возможностей и духовных потребностей человека. Актуальность данного исследования составляет также то, что оно вносит вклад в формирование нового, постметафизического единства пространства, направлено на гармонизацию природно-социальных отношений.

Степень теоретической разработанности проблемы. Всесторонняя исследуемость пространства не привела до сих пор и вряд ли когда-либо приведет к его исчерпывающей исследованности в силу специфики пространства как предмета мышления. Она состоит, во-первых, в природно-социальной (естественно-артефактной) двойственности и динамичности пространства, которое одновременно всесторонне исследуется и активно преобразуется человеком. Во-вторых, в методологических и мировоззренческих затруднениях, с которыми сопряжен поиск фундаментальных оснований, позволяющих состояться пространству как предмету мышления. В русле онто-гносеологических проблем бытия, отношения материи и сознания, пространственно-временных взаимосвязей и т.д. пространству (как «пространству самому по себе») суждено оставаться «привходящим» или «фоновым» поглощающего его бытия, по отношению к которому, как исторически сформировавшемуся понятию, конституирующая роль теоретическим курсом и экзистенциальным опытом освоения пространства существует разрыв, на который справедливо указывает И-Фу Туан. Поддержание этого разрыва отвечает задаче самосохранения теоретического (научного) познания: «Нас интересует не ум в пространстве и времени, а пространство и

время в уме» (М.Д. Ахундов). Попытки преодоления разрыва сопряжены с методологическими и даже стилистическими затруднениями.

Историко-философские исследования представляют формирование и развитие концепций пространства в отдельные культурно-исторические эпохи, – применительно к философским и научным картинам мира, в которых пространство оформлено понятийно (А.В. Ахутин, М.Д. Ахундов, П.П. Гайденко, Н.А. Гудков, Д.В. Никулин, А.М. Мостепаненко, А. Койре, Ф. Капра, Г. Райхенбах, Ю.С. Владимиров и др.).

Онтология и история философии до недавнего времени были далеки от задач исследования фундаментальных оснований и социокультурной динамики пространственных представлений. Поворот был намечен философией И. Канта, утверждавшей конституирующую роль мышления в формировании базовых категорий и способствовавшей становлению в исследовании пространства феноменологического подхода (Э. Гуссерль, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггер) и культурфилософского подхода (Э. Кассирер, Х. Ортега-и-Гассет, М. Элиаде, П. Слотердайк, Г. Башляр; В.И. Молчанов, В.Д. Муравец, О.Б. Шафер и др.). Объединяющим их моментом является интерпретация реконструируемого (в опоре на экзистенциальный опыт и «вчувствование») переживания пространства – не «пространства вообще», а конкретного пространства. Наиболее существенным результатом «антиметафизической» философии стало открытие метафизической установки, в критике которой берет свое начало и предложенная в данном исследовании постановка проблемы пространства.

Теоретическая разработка проблемы пространства в современной гуманитаристике ведется в нескольких направлениях, среди которых можно выделить два основных. Одно представлено корпусом экзистенциалистских, психологических, психоаналитических исследований, в фокусе которых – содержание субъективного переживания пространства и его роли в когнитивных процессах и формировании личностной идентичности (К. Ясперс, М. Фуко, А. Бергсон, Ф. Йейтс, Ф. Арьес, Ж.-Л. Нанси, Ж. Лакан, Ж. Бодрийяр, О. Фенихель, И-Фу Туан, Ю. Джейнс, М. Арбиб, В.А. Подорога, К.А. Богданов; Т. Бауэр, А. Лоуэн, А.Ш. Тхостов, Т.Н. Березина).

Другое направление связано с анализом специфики социокультурного освоения пространства и представлено культурфилософскими, социологическими, культурологическими, искусствоведческими, лингвистическими исследованиями, работами по поэтике (П. Флоренский, Р. Арнхейм, С. Эджертон, А. Лефевр, М. де Серто, Т.В. Цивьян, Г. Гачев, А.В. Подосинов, М.С. Уваров, Л.Ю. Лиманская, Е. Трубина, А.В. Смирнов, Н.Л. Пяткова, Г.И. Ревзин, В.В. Ромм, В.Н. Сагатовский, В.Д. Муравец; Э. Панофский, Б.Р. Виппер, А.Г. Раппапорт, Б.В. Раушенбах, М.Н. Соколов, А.В. Венкова, Д.Ю. Озерков, Б.А. Успенский; Д. Лакофф и М. Джонсон, Д. Дэвидсон, М. Блэк, П. Рикёр, Ф. Анкерсмит, В.Н. Телия, В.Г. Гак, А.Г. Максаетян, В.Л. Лехциер, Г.С. Баранов, Т.В. Черниговская и В.Л. Деглин, В.Н. Сыров и В.А. Суровцев, В.П. Москвин, О.Н. Лагута, Ю.И. Левин, В.Г. Вардзелашвили, Г.Н. Складаревская, А.М. Мухачева, Е.В. Белецкая, О.А. Свирепо, О.С. Зубкова, Г.А. Ермоленко, А.Д. Плисецкая, И.В. Полозова; Ж. Женетт, Г. Башляр, Д.С. Лихачев, М.М. Бахтин, Т.В. Цивьян).

Пробел в теоретической разработке проблемы пространства (как она поставлена в данном исследовании) состоит во взаимной изолированности основных направлений ее исследования. Восполнить этот пробел могла бы отсутствующая сегодня метатеория, построение которой возможно с учетом динамики природно-социального пространства и свойств мышления, а также при условии нацеленности на установление соответствий между объективными историко-культурными характеристиками конкретных природно-социальных пространств и содержанием мышления о пространстве. Первый шаг в претворении данной программы, на наш взгляд, был осуществлен семиотикой (Р. Барт, У. Эко, М.Ю. Лотман, В. Топоров, М. Ямпольский), последовательно и всесторонне исследовавшей не «пространство вообще», а пространства культуры.

Современная семиотика развивается на путях «специализации», в ней выделились самостоятельные направления семиотики архитектурного пространства (А.А. Барабанов, Ф. Танги, В.И. Иовлев, П. Пеллегрини, Л.Ф. Чертов, М.В. Пучков), географического пространства (В.Л. Каганский, Д.Н. Замятин, И. Митин, Е.Ю. Колбовский и В.В. Морозова) и др. В синтезе семиотического и культурфилософского подходов формируется взгляд на культуру как процесс семиотизации пространства (О.А. Лавренова, А.Г. Дульянинов, Н.С. Карпова).

Существенным результатом всестороннего исследования пространства в гуманитаристике стало выявление двух доминант, определяющих его освоение и моделирование в культуре – вербальной и визуальной, что ставит новую теоретическую задачу – преодоления их поляризации в непротиворечивой концепции пространства. Возможность построения такой концепции мы связываем с применением культурфилософского анализа к феномену метафорического.

Объект исследования – метафоризация пространства как процесс формирования и развития культуры.

Предмет исследования – пространственные метафоры в культурно-исторической динамике.

Цель исследования – концептуализация метафорических оснований генезиса, развития, осмысления и освоения природно-социального пространства – культуры.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Концептуализация феномена метафорического на основе обобщения результатов лингвистических и философских исследований метафоры и обоснование роли метафорического в формировании пространственного компонента языковой картины мира (ЯКМ), рациональном и внерациональном осмыслении и освоении пространства.

2. Исследование роли перцептивно удостоверяемого пространства в теоретическом и практическом пространственных дискурсах и анализ структуры пространственных представлений.

3. Анализ роли пространственных представлений в культурной динамике (процессе взаимоопределения субъекта культуры и соответствующего ему типа внеположенного).

4. Выявление и анализ концептуальных пространственных метафор.

5. Построение типологии пространственных моделей культуры на основе анализа функционирования системоконплексов пространственных представлений, процессов метафоризации/демметафоризации концептуальных пространственных метафор.

Методологические и теоретические основы исследования

1. Достижения и противоречия философской и лингвистической метафорологии (Д. Лакофф и М. Джонсон; Г.Н. Складарская, В.П. Москвин) составили методологическую и концептуальную основу данного исследования, исходящего из утверждения метафорического как фундаментального свойства мышления.

2. Семиотический подход (Ю.М. Лотман, В. Топоров, М. Ямпольский) применен в анализе источниковой базы, а также при построении оригинальной типологии пространственных моделей культуры.

3. Сравнительный метод (О. Фрейденберг, Б. Раушенбах) применен при изучении структурно-функциональной и содержательной динамики пространственных представлений, процессов метафоризации и демметафоризации.

4. Тезис Ж. Делеза о «пустом понятии природы», философия тождества и различия (М. Хайдеггер, К. Леви-Стросс, Ж. Делез) позволили выявить содержательный релятивизм понятия пространства, развести идею пространства и содержание (понятийное и непонятийное) пространственных представлений, проанализировать роль пространственной метафоризации в формировании понятия пространства.

5. Опора на культурфилософский и компаративистский анализ позволила сформулировать и обосновать концепцию пространства как конституируемого диалектикой наивной и метафизической установок феномена мышления и культуры.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Предложена новая интерпретация метафорического, разрешающая некоторые противоречия между лингвистической метафорологией и философской и позволяющая аргументировать определяющую роль динамики пространственных представлений в развитии мышления и культуры. Введены, теоретически и методологически обоснованы понятия демметафоризации, метафорического набора, жизненного цикла метафоры, раскрывающие исторический смысл метафорического.

2. Понятие пространственной парадигмы реинтерпретировано как системоконплекс, включающий идею пространства, пространственные представления (пространственные интуиции, образы пространства, понятия/категории, теории и концепции пространства, паттерны восприятия) и пространственные практики. Исследована роль рационального и иррационального познания, а также артефактных метафор телесности и текстуальности в формировании и культурно-историческом функционировании пространственных парадигм.

3. Перцептивно удостоверяемое пространство рассмотрено в качестве элемента структуры «созерцания», возобновляющего в каждом новом опыте

обращения к Другому фундаментальную противопоставленность. Исследовано значение перцептивно достоверного пространства в открытии видимости, видения и рас-положенности, а также становлении базовых познавательных установок. Показана взаимосвязь динамических свойств перцептивно достоверного пространства и стабилизирующей функции знака и паттернов восприятия.

4. Разработана авторская типология пространственных моделей культуры (Лабиринт, Arbor Mundi, Rhizōme), дан их развернутый анализ. Выявлены доминирующие образы пространства в культуре от первобытности до современности.

5. Раскрыта методологическая значимость реконструкции пространственных представлений в анализе закономерностей формирования и эволюции субъективности (механизмов коллективной и индивидуальной идентификации, типа чувственности, канона красоты).

Положения, выносимые на защиту:

1. Открытие идеи пространства и формирование пространственных представлений имеют метафорические основания. Метафорическое сущностно раскрывается в таких объективных феноменах мышления и культуры, как: фундаментальная противопоставленность сознания, коммуникативная установка мышления в отношении природно-социальной реальности, системная переходность мышления. Метафорическое принадлежит мышлению как его основание – фундаментальная противопоставленность (сознания и пространства), в которой берет свое начало познавательная активность, и которая заявляет о себе в проблематизациях отношений мышления и бытия, вербального и невербального, природного и социального, практического и теоретического.

2. Историко-культурная динамика пространственных представлений обусловлена диалектикой двух пространственных парадигм – экзистенциальной и метафизической, а также диалектикой присущих им двух методологических метафор (внутримирной и внемирной позиции мыслящего) и соответствующих познавательных установок («то, что я вижу – есть», «то, что я вижу, не есть то, что есть на самом деле»).

3. Общим для различных интерпретаций пространства «объективным коррелятом» является перцептивно достоверное природно-социальное пространство.

4. Построение типологии пространственных моделей культуры на основе релевантных им концептуальных пространственных метафор является необходимым и достаточным инструментом анализа культуры. Такими концептуальными пространственными метафорами являются Лабиринт, Arbor Mundi, Rhizōme, претерпевающие в ходе культурно-исторического развития стадии метафоризации и деметафоризации.

5. В историко-культурном процессе взаимоопределения «внутреннего» и «внешнего» обретаются сакральное, эстетическое, абсолютное, идеальное, трансцендентное, реальное, объективное, индивидуальное, субъективное, бессознательное, виртуальное и др. как новые образы и измерения природно-

социального пространства, развивающегося на пути возрастающей дифференциации.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Всестороннее рассмотрение явления метафорического вносит вклад в развитие теоретических основ интегративной метафорологии. Предложенная интерпретация метафорического связывает лингвистические и экстралингвистические аспекты, что позволяет на новых основаниях интерпретировать механизм перехода от восприятия человеком действительности к ее практическому и теоретическому освоению.

Теоретическое и практическое значение имеют результаты исследования схем-визуализаций, универсальных композиционных приемов, структурно-функциональных аспектов пространственных представлений. Исследовательской перспективой обладает разрабатываемое направление культурной истории восприятия, связывающее антропогенетический, онтогенетический и культургенетический аспекты.

Теоретические положения исследования согласованы с результатами культурфилософского анализа и могут быть использованы в преподавании философии культуры, теории и истории культуры, визуальной культуры, при разработке спецкурсов в составе программ по творческим и техническим специальностям.

Апробация результатов исследования осуществлена в чтении лекций, разработке учебных программ и учебно-методических комплексов по философии, философии культуры, теории и истории культуры, культурологии, истории русской культуры, а также при составлении методических рекомендаций по культурологии.

Результаты исследования обсуждались на региональной научной конференции студентов, аспирантов, молодых ученых «Наука. Техника. Инновации» (Новосибирск, 2001); межрегиональной научной конференции «Человек: траектории понимания» (Новосибирск, 2002); всероссийском семинаре молодых ученых «Дефиниции культуры» (Томск, 2003); всероссийской научно-методической конференции «Образование и искусство в формировании целостной личности: междисциплинарные стратегии и комплексные технологии (опыт, проблемы, перспективы)» (Томск, 2003); международной научно-практической конференции «Экономика, социология, философия, право: пути созидания и развития» (Саратов, 2009); гуманитарной секции региональной научно-практической конференции «Современные проблемы и достижения аграрной науки в животноводстве, растениеводстве и экономике» (Томск, 2010).

Результаты исследования отражены в 8 публикациях, из них 3 – в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав (разбитых на 11 параграфов), заключения, списка литературы и двух приложений. Общий объем диссертации составляет 189 страниц. Список литературы включает 281 наименование.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследуемой темы, характеризуется степень ее научной разработанности, формулируется цель и ставятся задачи исследования, определяются предмет, объект и методологические основания исследования, характеризуется информационная база, раскрывается научная новизна исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, раскрываются теоретическая значимость исследования и апробация его результатов.

В **первой главе** «*Метафорическое как феномен мышления и культуры*» раскрываются структурный и функциональный, лингвистический и экстралингвистический аспекты метафорического как явления, характеризующего мышление в его системной переходности.

В параграфе 1.1. «*Сущность феномена метафорического и его роль в анализе пространственных представлений*» вводится и эксплицируется понятие метафорического.

При исследовании закономерностей развития пространственных представлений обращают на себя внимание широкая распространенность пространственных метафор в пространственном дискурсе и метафорическое использование пространственной лексики вне его. Аргументация предположения о том, что метафоричность мышления о пространстве носит закономерный характер, тесно связана с принятым в рамках широкого подхода к метафоре тезисом о метафоричности мышления. Однако широкий подход к метафоре представляется недостаточно обоснованным. Искомое обоснование тезиса о метафоричности мышления видится на пути систематизации репрезентирующих метафорическое лингвистических и экстралингвистических феноменов.

В результате обобщения данных лингвистической и философской метафорологии, а также собственного исследования, выявлены следующие аспекты метафорического:

– «лингвистический»: различные виды тропа (включая языковую метафору), фигуры речи, отдельные стилистические приемы (например, психологический параллелизм), перевод (в узком его понимании); широкая распространенность метафор, покрывающих все содержательное разнообразие мыслимого – как «видимого», так и конституируемого метафорами «невидимого»;

– «экстралингвистический»: видо-типовое разнообразие метафоры (узуальные и окказиональные метафоры; языковые, визуальные, акустические, кинетические, осязательные, обонятельные метафоры и др.); многоуровневость метафоры (существование онтологических, гносеологических, методологических метафор, текстовых и метатекстовых метафор); полифункциональность метафоры; эффект иносказательности (различение буквального и небуквального, значения и смысла, серьезного и несерьезного); перевод (в широком понимании перевода – как перехода между модальностями восприятия, семиотическими системами); механизм психологической проекции; диалектика рационального и внерационального

способов познания, диалектика теоретического и эмпирического освоения реальности, диалектика наивной и метафизической установок; универсальный характер базовых композиционных приемов (и их связь со схемами мышления); столкновение вербального и невербального как форма проблематизации отношения бытия и мышления.

Так понимаемое, метафорическое обнаруживает и позволяет исследовать связь системной переходности мышления с фундаментальной противопоставленностью как его источником и условием.

В параграфе 1.2. *«Пространство в языковой картине мира: пространственная метафора как механизм моделирования природно-социальных отношений»* анализируется специфика моделирования пространственного компонента языковой картины мира средствами пространственной метафоры.

Пространственные метафоры являются частью пространственной лексики, поэтому вклад языковых метафор (ЯМ) в формирование пространственных представлений обусловлен, прежде всего, их вербальной природой. Пространственные ЯМ, профилируют признаки (свойства) предметов/явлений мира, и, таким образом, участвуют в атрибуции и классификации видимого и невидимого миров. С другой стороны, моделирование образов пространства пространственными ЯМ обладает определенной спецификой.

Такие разновидности ЯМ, как стертые и номинативные метафоры, являются основным источником информации о древнейших (дописьменных и допонятийных) пространственных представлениях, интересных как сами по себе, так и с точки зрения их инкорпорированности в современные пространственные представления за счет особенностей функционирования естественного языка.

Пространственные метафоры характеризуют мир как природно-социальное единство, а человека – как обладающего двойственной (биосоциальной) природой. Этому способствует амбивалентность метафорической оценки – то, что хорошо с «природной» точки зрения (физического выживания), может быть хорошо или плохо с социальных позиций. Амбивалентность оценки прослеживается при метафоризации семантических сфер «человек», «предмет», «животное» в эстетическом, этическом, экологическом контекстах.

Следующая особенность метафорического моделирования пространства в естественном языке связана с выявленной первичностью образа перцептивно достоверяемого пространства для мышления. К этому выводу приводят: наличие в метафоре перцептивной модальности (зрительной, акустической, осязательной и т.д.); конструирование «невидимых миров» («внутреннего» и «трансцендентного» миров, «предметов мысли») в опоре на визуализацию; репрезентация пространства через локализованные в нем тела/предметы; тотальная анимизация различного (мыслимого) в результате проекции и экстраполяции свойства витальности.

Роль пространственных ЯМ в формировании пространственных представлений состоит в том, что в конкуренции образующих метафорический набор пространственных метафор происходит становление доминирующего образа пространства. Потенциал ЯМ варьирует в соответствии с двумя основными

критериями: находится ли образ пространства в фокусе или вне его («фигурные» и «фоновые» ЯМ), является ли ЯМ доминирующей/концептуальной (узуальной) или периферической (окказиональной). Отношения между составляющими ядро пространственных представлений доминирующими метафорами и периферическими подвижны; «метафорический лом» [В.А. Суровцев, В.Н. Сыров] участвует в метафорообразовании и обладает определенным потенциалом. Фоновые пространственные ЯМ имеют особое значение в формировании образа пустого пространства.

В параграфе 1.3. *«Историко-культурный аспект метафоры: метафоризация и деметафоризация»* исследуется значение процессов метафоризации и деметафоризации в трансформации пространственных представлений.

Метафорическое, помимо выявленных ранее аспектов, реализуется также в историко-культурном функционировании системокомплекса пространственных представлений. Неизбежное при реконструкции пространственных представлений обращение к культурно-историческому контексту употребления метафор убеждает в объективности фиксируемых понятиями метафоризации и реметафоризации процессов. Метафорическое присутствует на всех уровнях системокомплекса пространственных представлений, в том числе, понятийном, что подтверждается существованием философских и научных понятий, являющихся собственно ЯМ или образованных в результате серий метафоризаций; возможно также метафорическое происхождение логики обобщения.

Метафоризация развивает начатую видением работу различия. Видение фиксирует реальные различия предметов в видимом (видимость как различимость). Внутренняя форма метафоры сталкивает, не отождествляет, разнородные элементы, производит различия. Метафора конституирует «предметы мышления» - посредством придания им статуса бытийственности и путем их стабилизации в визуальных (акустических, кинетических и др.) образах. Неизбежный момент визуализации в мышлении объясняет наличие пространственных коннотаций у содержательно далеких от «пространственной тематики» понятий.

Одно из наиболее существенных различий между метафорами и понятиями касается перцептивных образов, транслируемых метафорами и элиминируемых понятиями. Деактуализация образа перцептивно достоверяемого пространства ведет к «стиранию» («угасанию») метафор. При переходе от одной картины мира к другой метафоры не только «стираются», но также реинтерпретируются или становятся предметом рефлексии/критики (как, например, критика метафизики, лингвистический поворот философии, проект деконструкции, визуализация ЯМ в современной визуальной культуре и др.). Эта стадия жизненного цикла метафоры обозначена понятием деметафоризации.

Процессы метафоризации и деметафоризации являются механизмами трансформации пространственных представлений, а их манифестации в различных знаковых системах – объективными основаниями периодизации культурной истории пространства.

Во второй главе *«Моделирование пространства в культуре»* анализируется рациональные и внерациональные методы познания природно-социального пространства, а также его основные конститутивные элементы.

В параграфе 2.1. *«Пространство как предмет внерациональной и рациональной рефлексии»* анализируются особенности философского и художественного способов осмысления и освоения пространства.

В подпараграфе 2.1.1. *«Осмысление и преобразование реальности изобразительным искусством и архитектурой»* исследована специфика художественной рефлексии пространства.

Вклад изобразительного искусства и архитектуры в формирование и развитие пространственных представлений определяется особенностями их языка – собственной пространственностью, наглядностью (изобразительностью), опорой на пространственные методы и приемы (выразительность), относительной независимостью от вербального языка.

Метафорическое проявляется в произведениях изобразительного искусства и архитектуры в противоречии между их фактической пространственностью и фиктивностью изображенного. Действительным содержанием произведения является видение, осуществляющее отбор мест и предметов (жанр, сюжет), выбор субъект-объектной дистанции и композиционного решения (план; перспективные и неперспективные средства передачи пространства; приемы компоновки; соотношение композиционного и идейного центров; ракурс и др.). Стиль устанавливает определенное соответствие между планом содержания и планом выражения и, тем самым, реализует метафору «зрение – это мировоззрение», то есть совпадение в произведении видимости и видения.

Искусство, нацелено ли оно на передачу идеального или перцептивного пространства, каноническое оно или маргинальное, натуралистическое или схематическое, открывает в произведении недостижимую в физической реальности возможность повторения уникального видения. Искусство транслирует видение – определенное «положение дел», а также паттерны восприятия (важнейший элемент визуальной культуры).

Вклад изобразительного искусства и архитектуры в освоение пространства проявляется в пространственных открытиях, таких как: открытие предмета и вещи, открытия, связанные с психологическими и оптическими аспектами видения, инженерно-технические, колористические, стилистические и др. Особое значение имеет открытие рас-положенности. Смысл произведения как репрезентации определенного рас-положения раскрывается в отношениях фигура↔фон, свет↔тьма, в его завершенности (локализованности и внутренней структурированности). С реализацией рас-положения тесно связаны визуальные решения мотивов отношения и связи в схематических и символических изображениях, открытие универсальных композиционных приемов тавтологии, повтора, варьирования, сквозного развития и др., значение которых шире чисто художественных задач и связано с кристаллизацией схем-визуализаций, используемых риторикой, логикой, методологией, геометрией и др.

Применение искусством метода идеализации ведет к созданию идеальных объектов, отличных от идеальных объектов философии или науки, так как здесь идеальное тесно связано с эстетическим и находит визуально-пластическое воплощение в произведении. Произведения непосредственно включены в природно-социальную (артефактную) реальность культуры, образуя в ней особые – концентрированные и рафинированные локусы.

Две пространственные парадигмы искусства, реалистическая и романтическая, различаются по соотношению в них и порядку внутреннего/внешнего, идеального/наличного. В конструировании реальности (реальностей) изобразительным искусством и архитектурой первостепенное значение имеет перцептивно удостоверяемое пространство, что объясняет принципиальные различия между искусством и метафизической философией, касающиеся отношения к видимости и видению (субъективности).

В подпараграфе 2.1.2. «Роль онто-гносеологических метафор внутримирной и внемирной позиции мыслящего в формировании пространственных парадигм» раскрываются метафорические основания философского осмысления пространства.

Концептуальное единство пространства конструируется философией на пути решения вопроса об отношении сознания и бытия. Здесь прослеживаются две линии философии – экзистенциальная и метафизическая, каждой из которых соответствует определенная пространственная парадигма, установка сознания и схема-визуализация позиции мыслящего (рис. 1,2).

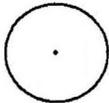

Рис. 1

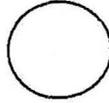

Рис. 2

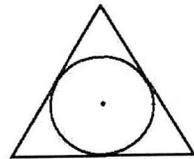

Рис. 3

Заемствованное из культурной географии понятие пространственной парадигмы переосмысливается в исследовании как системокомплекс, образуемый:

- идеей пространства;
- пространственными представлениями (включающими пространственные интуиции, образы пространства – концептуальные и периферийные, метафорические, символические и др., а также понятия/категории, теории и концепции пространства, паттерны восприятия);
- пространственными практиками.

Экзистенциальная пространственная парадигма формируется на основе наивной установки «то, что я вижу – есть» и онто-гносеологической метафоры внутримирной позиции мыслящего. Метафизической парадигме соответствует метафизическая установка «то, что я вижу, не есть то, что есть на самом деле» и онто-гносеологическая метафора внемирной позиции мыслящего.

Становление данных пространственных парадигм ознаменовало определенный этап в развитии пространственных представлений, новое, – рационалистическое, – осмысление видимости, положившее начало объективации «внешнего» и «внутреннего». Два лейтмотива древнегреческой философии, «обмана зрения» и связанной с ним «ошибки суждения», характеризуют отношение философии к видимости, из которого формируется методологическая метафора «философского созерцания».

Проблема пространства возникает одновременно с проблемой бытия в результате дисфункции прежней, архаической, модели пространственно-смыслового континуума. Наибольшее значение в формировании новой модели приобретает абстрагирование идеи пространства от видимости конкретных мест – понятийное осмысление пространства.

Анализ конкретно-исторического содержания понятия пространства, пространственной лексики философии и структуры понятийного поля «пространство» подтверждает тезис Ж. Делёза о том, что понятие пространства является пустым понятием: его содержание определяется в процессе серий метафоризаций/деметафоризаций образов пространства, восходящих к идее пространства, фиксирующей необходимую для осуществления мышления дистанцию «между» сознанием и внеположенным ему. Философские образы пространства (место, единое, хора, бытие, пустое пространство и др.) формируются во взаимопределении типа субъективности и рода внеположенного (перцептивно удостоверяемое пространство является генетически первым внеположенным, по отношению к которому формулируется фундаментальная противополоственность сознания и бытия).

Поворотные моменты в теоретическом освоении пространства связаны с древнегреческой натурфилософией, учением Платона, неоплатонизмом, философией Р. Декарта, И. Канта, Э. Гуссерля, Ж. Делёза. Начавшееся с внутримирной инвентаризации сущего, философское осмысление пространства было ориентировано сначала преимущественно на объективную, впоследствии – на субъективную реальность. Внимание к субъективному как типу внутреннего, усилившееся в середине XIX в., породило современную множественность пространств, на которую философия отвечает альтернативными концепциями, не претендующими на универсальность и объединяемыми интересом к культуре. Таким образом, от исследования пространства «самого по себе» философия совершает поворот к исследованию субъективности и природно-социального пространства (культуры).

В параграфе 2.2. *«Роль артефактных метафор в конституировании природно-социального пространства»* рассматривается функционирование телесных и текстуальных метафор.

В подпараграфе 2.2.1. *«Тело как естественная граница внутреннего и внешнего»* утверждается первичность телесного опыта и связанной с ним идеи локализации в освоении и моделировании природно-социального пространства – культуры.

Телесный опыт – один из основных источников пространственных интуиций, фигурных и фоновых пространственных метафор. Человеческое тело и само является метафорой, поскольку занимает «срединное» (*мета-*) положение (природное – социальное, бессознательное – сознание). Будучи ближайшим «объектом» семиотизации, тело выдает культурную принадлежность – как конкретной культуре, так и культуре вообще (тело жертвенное, божественное, прекрасное/безобразное, страдающее, перверсивное и т.д.). В «срединности»/граничности тела – основание метафоризации телесного опыта.

Формирование большинства культурных оппозиций¹ связано с осмыслением к телесного опыта: жизнь – смерть, удовлетворение – желание, здоровье – болезнь, норма – патология, материя – дух, бессознательное – сознание, коллективное – индивидуальное, внешнее – внутреннее, объективное – субъективное, явное – сокровенное, пространство – время, верх – низ, правое – левое, худой – добрый, мужское – женское, центр – периферия, Я – Другой, прекрасное – безобразное, личное – социальное пространство, сакральное – профаническое и т.д.

Культурфилософский анализ телесных метафор убеждает в культурно-исторической подвижности границы между внешним и внутренним, природным и социальным: за всяким внешним стоит нечто более внешнее, внутреннее содержит нечто еще более глубинное. Расширение телесного опыта в онтогенезе или открытие новых измерений телесного в динамике культуры ведет к новым открытиям во «внутреннем» и «внешнем». Мышление о внешнем и внутреннем проективно и метафорично: все во внешнем и внутреннем вписано в единый процесс перманентной инициации – умирания в одном качестве и рождения в новом, «поглощения» и «испускания» (интериоризации и экстериоризации); проследить генезис явления, значит, ответить на вопрос о его сущности². К телесной организации восходят некоторые схемы мышления, например, диадические и триадические построения, идеи структуры и организации.

Противопоставление в телесном опыте природного (биологического) и социального, индивидуального и коллективного влияет на структурирование пространства: каждое тело обладает пространством и тем самым обозначает его, при этом соответствующие телам пространства не тождественны «занимаемым» этими телами пространствам «физическим», так как включают измерение воображаемого.

Телесные практики (поощрения и запреты) участвуют в формировании основных типов взаимодействия пространств (природных и культурных, социальных и асоциальных (маргинальных), коллективных и индивидуальных, сакральных и профанических) в культуре – инклюзии, исключения, изоляции.

В подпараграфе 2.2.2. «*Пространственность текста и пространство как текст*» исследованы контексты употребления артефактной метафоры «текста»,

¹ Мифологических, религиозных, философских (онто-гносеологических, экзистенциальных, эстетических, этических, социально-политических), лингвистических, медицинских и др.

² Например, вопрос о том, принадлежит ли восприятие (лицо, язык/речь и др.) телу или сознанию и т.п.

выявлены связь коммуникативной установки с фундаментальной противопоставленностью и определяющее значение коммуникативной установки в семиотизации пространства.

Под пространственностью текста (в зависимости от того, что понимается под текстом) подразумевается:

- собственная пространственность текста (текст как «книга»);
- отображение пространственных отношений в содержании текста (текст как «произведение»);
- (экзистенциальное) переживание пространства в чтении и письме.

Предложенный семиотикой теоретический конструкт «хронотопа» позволил установить факт культурно-исторического соответствия между типом пространственно-временных отношений, запечатленным в родо-видовых, жанровых и стилистических особенностях текста (художественный хронотоп), и типом субъективности (реальный хронотоп). В рамках семиотики и исторической поэтики были всесторонне исследованы различные хронотопы (мифологические, фольклорные, агиографические и др.) и образующие основу их пространственного компонента архетипические пространственные метафоры.

В семиотике намечается, а в структурализме утверждается новое, расширенное, понимание текста, исходящее из признания культуросозидающей роли семиотических процессов. Структуралистский интерес к чтению и письму, противопоставляющих тексту-произведению текст-генезис, породил ряд оригинальных пространственных метафор, свидетельствующих об актуализации пространственной парадигмы внутримирной позиции мыслящего.

На основании реконструкции действенного характера описания в сакральных текстах делается вывод о диалектическом характере связи описания и повествования и условности их теоретического противопоставления.

Анализ проблемы соотношения пространства и текста выявил наличие мифологемы «текстуальности пространства», симметричной и первичной (в историческом смысле) по отношению к аспекту «пространственности текста». Источником мифологемы текстуальности пространства является метафора «языка пространства», гипостазирующая коммуникативный характер взаимодействия пространства и человека. Исследование историко-культурных контекстов позволило проследить три этапа реализации метафоры языка пространства: ее манифестацию в мифе, трансформацию в рационалистическом понятии «закона», трансформацию в предмет частных семиотик (геополитической, географической, архитектурной).

В третьей главе *«Культурфилософская типология пространственных моделей культуры»* представлена авторская типология пространственных моделей культуры, охватывающая развитие культуры от древности до современности и построенная на основе релевантных трем периодам культурно-исторического развития концептуальных пространственных метафор.

Параграф 3.1. *«Понятие пространственной модели культуры»* предваряет типологию пространственных моделей культуры. В нем систематизированы

теоретические основания типологии - понятие пространственной модели культуры Ю.М. Лотмана, а также основные элементы структуры пространственной модели культуры.

В подпараграфе 3.2. «*Типология пространственных моделей культуры*» представлена типология пространственных моделей культуры и дано их аналитическое описание в соответствии с теоретическими положениями Ю.М. Лотмана и выявленной в ходе исследования структурой пространственных представлений, в опоре на разработанный понятийно-методологический инструментарий.

В подпараграфе 3.2.1. «*Лабиринт: направленное движение и поисковая активность. (Первобытная культура)*» анализируется значение организации пространственно-телесного опыта в формировании базовых оппозиций культуры, возникновении протописьменности, протокомпозиции и протосюжетки.

Первобытные нерукотворные (природные) лабиринты представляли собой инициатические комплексы, включавшие телесные практики и систему представлений о мире¹. Прохождение лабиринта формировало у индивида ряд культурно востребованных физических, психологических и когнитивных качеств, таких как выносливость, ловкость, стрессоустойчивость, способность управлять агрессией и страхом, социальная ответственность, целеустремленность, эффективность мышления (развитая память, воображение). Достижению этой цели способствовали организация лабиринтного пространства и вызываемые ею эффекты, воздействовавшие на психику через тело.

Жестко заданная траектория движения и остро переживаемое одиночество способствовали телесной и мыслительной дисциплине, вынуждая к максимальной мобилизации телесных и ментальных сил. Лабиринт тренировал память и развивал воображение, поскольку успешность преодоления инициатического пространства во многом зависела от способности к реконструкции в воображении плана лабиринта, для чего требовалось соединение разрозненных впечатлений в единое целое и перевод трехмерных образов в двухмерную схему. Аналогичная задача стояла перед первобытным искусством, в котором параллельно развивались две линии – натуралистическая и схематическая.

Роль опыта лабиринта в формировании протокомпозиции и протосюжетки выявляется при сопоставлении структуры лабиринта с изобразительной деятельностью. Источником развития композиционного мышления, состоящего, как мы выяснили ранее, в идее рас-положения и вариантах взаиморасположения отобранных элементов, послужили пространственно-временная выделенность лабиринтного комплекса и структурированность его внутреннего пространства,

¹ Комплекс лабиринта включал: инициатический сценарий, танец («танец журавля, «танцы девственниц» и т.п.), ритуальные игры (реликтовая «троянская игра»), строго заданную траекторию движения (в случае пещерного лабиринта задававшуюся направлением пещерного хода, в случае открытых наземных лабиринтов – тропой в ритуальном ландшафте или характером рельефа), систему маркированных мест, соотносящуюся с представлениями о мироустройстве.

задающие «пространственный сюжет». Практика чтения, сложившегося прежде текста, оттачивалась в чтении природных текстов – ландшафта, лица, от распознавания которых напрямую зависело выживание первобытного коллектива и индивида.

В развитии когнитивной сферы первостепенное значение имело совершенствование способности к удержанию и концентрации внимания. Переход от изобразительных палимпсестов к завершенным композициям свидетельствует о постепенном становлении этой способности в процессе взаимодействия человека с окружающей средой. Ранее было показано, что различные способы фиксации мысли, стабилизируя ее содержание, способствуют большей эффективности памяти и мышления. Первобытные формы протописьменности, к которым относятся схематические изображения и сложившиеся на их основе символическая система и орнамент, а также хореографические партитуры задействовали целый арсенал средств активизации памяти и концентрации внимания, причем кинестетические средства не уступали в значимости визуальным. Доказательством этого служит применение метода автоматического письма при создании первобытных палимпсестов.

Лабиринтный комплекс стал первой пространственной моделью культуры, в которой культурное пространство отмечено выделенностью – прежде всего, в ритуальном ландшафте. Деметафоризация лабиринтного комплекса проявилась в его распаде в период древности – в утрате первоначальной этимологии слова «лабиринт» и реинтерпретации смысла лабиринта как причудливо организованного пространства с вызывающим страх атавизации монстром в смысловом центре. В период древности появляются и первые рукотворные – архитектурные, лабиринты. Вторая волна деметафоризации/метафоризации лабиринта связана с христианской культурой, в которой постепенно формировались понимание лабиринта как запутанности обстоятельств и современная гносеологическая метафора лабиринта. Архетипичность и продуктивность метафоры лабиринта и стоящей за ней универсальной пространственной модели проявляются как в репликах современной художественной культуры, так и в ее использовании в психологических и естественнонаучных экспериментах.

В подпараграфе 3.2.2. «*Arbor Mundi: идея структуры в конституировании «внутреннего» и «внешнего».* (Древность – Новое время)» исследована эволюция пространственных образов (прежде всего, телесных и текстуальных метафор) от Древности до Нового времени, их связь с утверждением метафизической картины мира, роль в преобразовании предметно-материальной среды.

Мировое Древо – метафора культуры как организованного пространства. Распространенные у многих народов артефакты, объединяемые семиотическим понятием *arbor mundi*¹, представляют собой прогрессивное по отношению к

¹ Ритуальные предметы, культовые и геральдические изображения, например, индейские тотемные столбы, яванские посохи, европейские генеалогические деревья и т.п. вплоть до «деревьев» научной систематики.

первобытным протокомпозициям развитие «генетического» сюжета, объединяющее принцип кумуляции и принцип ветвления. Вертикальной ориентации подобных композиций соответствует новое содержание «внутреннего» и «внешнего». Становление субъективности, традиционно связываемое семиотикой с обретением «глубины», рассматривается с точки зрения реализации в культурах *Arbor Mundi* телесных и текстуальных метафор и их взаимной конвертации, а также в историко-психологическом, эстетическом, аксиологическом, искусствоведческом аспектах.

Ментальные различия между первобытностью и эпохой *Arbor Mundi* визуализированы в изобразительном искусстве и архитектуре, в письменной культуре, радикально изменивших перцептивно воспринимаемое пространство и визуальную культуру (в том числе, паттерны восприятия). На протяжении эпохи *Arbor Mundi* тесное взаимодействие изображения и слова проявляется как в вербально-визуальной природе концептуальных метафор (*arbor mundi*, Рай, Сад, Путь-Судьба и др.), так и в теоретическом дискурсе, например, географии и картографии. Однако, культуры *Arbor Mundi* в большей степени текстоцентричны, чем перцептивны, что обусловлено формированием и постепенным утверждением метафизической установки. В письменной культуре эпохи *arbor mundi* предметом рефлексии являются чувства, чувственность и чувствительность - модальности отношения между «я» и новым внеположенным – «идеальным» и «абсолютным». «Невнимание» к реальным индивидуальным различиям проявляется в скудости словесных описаний внешности, распространенности литературного мотива неузнанности, предпочтении идеализации – портретному сходству, канонах красоты, подчиняющих эстетическое этическому. Само зрительное восприятие лишается «непринужденности», направляется схемами, транслируемыми краеугольными культурными текстами.

На организацию культурного пространства в эпоху *arbor mundi* оказывают влияние следующие факторы:

- кристаллизация в теоретическом дискурсе схемы-визуализации пирамиды, основанной на идее иерархической упорядоченности и геометрическом совмещении сферической модели и вертикали (рис.3); утверждение данной схемы-визуализации имело множество следствий, в том числе, социальных (социальная иерархия и социальный контроль), этических (самоконтроль - инстанция совести), методологических (позиция «внешнего наблюдателя», методологическая метафора «взгляда со стороны»);
- несовпадение этнических и религиозных границ;
- становление индивидуальности и государственности, ведущее к появлению новых типов пространств – личного и социального;
- новые типы пространственной изоляции, заменяющие в ряде случаев пространственное исключение (резервации прокаженных, богадельни, больницы);
- этическая редакция базовых ценностей, в результате которой реинтерпретируется пространственная символика;

– формирование языковых картин мира, включающих системы регулярных метафорических переносов; обогащение лексики и обновление метафорических наборов и др.

В становлении субъективности, существенно повлиявшем на культуру, немаловажное значение имели исследования в области оптики и визуального восприятия, начало которых было положено в античности, а интенсивное развитие относится к эпохе Возрождения. Возобновление интереса к видимости и видению сформировало новый механизм производства пространств: если до эпохи Возрождения множественность пространств расширялась, главным образом, за счет индивидуальных психоэмоциональных различий, то, начиная с Возрождения все большее значение в конструировании пространства приобретают «оптические» различия (различия в визуальном восприятии), о чем свидетельствует, например, бум визуальной культуры в Rhizōme.

В подпараграфе 3.2.3. «*Rhizōme: конфликт центростремительных и центробежных сил культуры. (Современная культура)*» анализируются аспекты современной культуры (проблема идентичности, функционирование текстовой культуры, доминирование визуальной культуры, тенденция виртуализации культуры и др.) в их связи с трансформацией пространственных представлений.

Проекту теоретической деконструкции метафизической (тео- и текстоцентричной) картины мира предшествовал кризис социальной системы, на который раньше других сфер культуры отреагировало искусство. В изобразительном искусстве прежде, чем в психологии и психоаналитике, началось утверждение нового типа субъективности – на смену «созерцающему» субъекту пришел «субъект воспринимающий» и «субъект наслаждающийся»¹. Высвобождение стихийности (социальной, творческой, сексуальной) конституировало новое внеполагаемое, путь к которому, как предполагали художники-экспериментаторы и художники-теоретики, открывает исследование визуального, а именно, пограничной области между «чистым» восприятием и осознанной интерпретацией. «Место» бессознательного, таким образом, обнаруживается в ходе «геометрического» обращения прежней схемы-визуализации, внеполагаемое (бессознательное) обретается в области внутреннего, по отношению к которому сознание становится областью внешнего.

Артикулируемые цели художественных экспериментов XX в. с позиций данного исследования можно интерпретировать как инвентаризацию нового природно-социального пространства, актуализацию методологической метафоры внутримирной позиции мыслящего и экзистенциальной пространственной парадигмы. В то же время содержание и методы психоаналитики, знание «структуры личности» позволяют классифицировать психоаналитический дискурс как метафизику бессознательного, актуализацию методологической метафоры

¹ Если система научной (линейной) перспективы передавала перцептивное пространство, каким оно открывалось определенным образом научному взгляду, то импрессионизм, а позже кубизм и абстракционизм и др. сосредоточились на передаче самих механизмов перцепции, репрезентируя доинтерпретативную образность.

внемирной позиции мыслящего. Незавершенность, проективность художественного и психоаналитического дискурсов, их близость подтверждают тезисы о диалектическом соотношении метафизической и экзистенциальной парадигм и системной переходности мышления. В свете данных выводов виртуализация рассматривается как естественный для культуры процесс, а перцептивно достоверяемое пространство – как важнейший элемент в системе идентификации (содержательного взаимоотношения) «внешнего» и «внутреннего».

Конкуренция парадигм в истории культуры еще никогда не носила столь остро, конфликтного характера, причины которого усматриваются в конфликте между темпами обновления культурного пространства и незавершенностью синтеза нового типа субъективности. Проект *ghizbme* – поиск новых механизмов идентификации. Состояние «лишенной корней» ризоматической личности характеризуется хронической «недостачей себя». Дисгармония природного (биологического) и социального выражается в философских пространственных метафорах «утечки реальности», «городской среды», «пластической хирургии», «вещи», «отложенности удовольствия» и т.д. Позитивным моментом является стремление (пока что, главным образом, теоретическое) вернуть пространственному опыту непринужденность путем обнаружения ее островков в существующих пространственных практиках («удовольствие от текста», «чтение»/«письмо», «ходьба»).

В заключении сформулированы выводы диссертационного исследования и обозначены перспективы дальнейшей разработки поставленной проблемы.

Основное содержание и выводы исследования отражены в следующих публикациях автора:

Статьи в изданиях, входящих в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций:

1. Шаповалова Т.А. Культура как утопический проект (философско-культурологический аспект) / Т.А. Шаповалова // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – № 277. – С. 90-92. – 0,3 п.л.

2. Шаповалова Т.А. Мистерия взгляда: проблема созерцания в философии М. Хайдеггера / Т.А. Шаповалова // Известия Томского политехнического университета. – 2011. – Т. 319, № 6. – С. 93-99. – 0,6 п.л.

3. Шаповалова Т.А. Тожество, различие и повторение в метафорах первобытной культуры / Т.А. Шаповалова // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 357. – С. 71-74. – 0,4 п.л.

Публикации в других научных изданиях:

4. Шаповалова Т.А. Статус садово-паркового искусства в системе современных природо-социальных отношений / Т.А. Шаповалова, В.М. Видгоф // Наука. Техника. Инновации : материалы науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых : в 5 ч. – Новосибирск : Изд-во НТГУ, 2001. – Ч. 5. – С. 46-47. – 0,05/0,03 п.л.

5. Шаповалова Т.А. Природа как коррелят концепции человека / Т.А. Шаповалова // Человек: траектории понимания : материалы науч. конф. – Новосибирск : Новосиб. книж. изд-во, 2002. – С. 22-23. – 0,3 п.л.
6. Шаповалова Т.А. Наивное искусство и арт-терапия: культурологический, региональный и методологический аспекты / Т.А. Шаповалова, В.Я. Семке, Л.А. Степанова // Образование и искусство в формировании целостной концепции личности: междисциплинарные стратегии и комплексные технологии (опыт, проблемы, перспективы) : сб. материалов всерос. науч.-методич. конф. Томск, 3-5 декабря 2002 г. / под ред. проф. В.М. Видгофа. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 176-179. – 0,2/0,1 п.л.
7. Шаповалова Т.А. Пси-пространство: паллиатив гармонии тела и духа / Т.А. Шаповалова // Экономика, социология, философия, право: пути созидания и развития : материалы междунар. науч.-практ. конф. Саратов, 21 декабря 2009 г. : в 4 ч. – Саратов : КУБиК, 2010. – Ч. 4. – С. 144-145. – 0,2 п.л.
8. Шаповалова Т.А. М.К. Мамардашвили: философия как топология / Т.А. Шаповалова // Современные проблемы и достижения аграрной науки в животноводстве, растениеводстве и экономике : материалы науч.-практ. конф. – Томск : Изд-во Том. сельскохоз. ин-та, 2010. – Вып. 12. – С. 355-357. – 0,2 п.л.

Подписано в печать 14.05.2013 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 1,0. Тираж 100 экз. Заказ № 03/05-13
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а